

КОКАНДСКАЯ ФРОНДА, или парадигма Туркестанской автономии в контексте тюрко-исламской идентификации

Муканова Гюльнар
Кандидат исторических наук, доцент
КазНУ им аль-Фараби
Gulnar_mukanova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется источниковая база истории государственности казахов, актуальная в контексте президентской статьи «Модернизация общественного сознания: взгляд в будущее», на примере Туркестанской автономии 1917 года – оригинальной модели независимого самоуправления тюркоязычных и других этносов региона Центральная Азия. Первым независимым летописцем темы был автор той модели, казахский эмигрант, длительное время проживавший в Европе Мустафа Шокай. Его публицистика является мемуарным письменным источником, содержащим малоизвестные детали и факты, определения таких понятий, как патриотизм и национализм. До сих пор история Кокандской автономии 1917 года в учебных пособиях не получила должной оценки, тогда как то была практическая попытка самоопределения, на базе философии этно-идентификации. В статье впервые актуализируются наказы М.Шокая потомкам, в плане подготовки национальных кадров и единения, как неопременного условия успешного построения суверенного тюркского государства.

Издание первоисточников предполагает их дальнейшее исследование; ведь тексты, созданные пером авторов – участников событий, передают атмосферу согласования и порой противостояния взглядов на стратегию борьбы, ту социальную стратосферу – наличие или отсутствие известного деления на группы, страты или классы, лиц по таким критериям, как: социальный статус, профессиональный (служащие, рабочие) либо демографический ценз (автохтонные жители и переселенцы), а также по вере (мусульмане, христиане, иудеи и т.д.). Безусловно, в разгар событий 1914-1916-1917 годов, во всей необъятной российской империи поднималась волна национального самосознания, и она проявилась в Туркестане на фоне издержек морального, социального и экономического /материального/ порядка, после насильственной мобилизации 1916 и последующих годов, общего кризиса экономики вследствие Первой мировой войны, удорожания продуктов первой необходимости и нового стихийного массового притока русских крестьян-переселенцев. Пора честно сказать о том, что нестабильная ситуация на фронтах вызвала исход крестьян из центральной России в Казахстан и Среднюю Азию (собственно, обозначенные термины и составляли Туркестан, - политоним, бывший в тот исторический период самым обсуждаемым депутатами мусульманской фракции Госдумы, и впоследствии на протяжении более четырех десятилетий его использовал активный участник так называемой «Кокандской автономии», философ-теоретик и практик-политический деятель Мустафа Шокай. Мы сознательно взяли в кавычки сочетание слов: Кокандская автономия, об этом ниже.

Так вот, политические дефиниции «Туркестан, Туркестанская автономия» дали выход мечте о свободе жителей громадного по территории региона, занимавшего важное геостратегическое место на карте Евразии, граничившего со смежными владениями целого ряда азиатских деспотий: Иран, Афганистан, маньчжурский цинский Китай, некогда

возлежавшего на магистралях Великого шелкового пути и обеспечивавшего безопасный транзит востребованных в Европе, Африке восточных товаров, контролировавшего ситуацию на Кавказе, в Крыму и т.д. Каким образом? – ответ кроется в стратегических замыслах лидера Туркестанского сообщества, большого интеллектуала, человека с обостренным чувством справедливости, с отрочества игравшего роль казия – судьи – бия – модератора социальных споров и конфликтов разного уровня, от узко-местечкового, оспаривая неверные решения, до уровня губернатора, наконец, до государственного масштаба, - когда Мустафа Шокай был рекомендован самим Алиханом Букейхановым и поддержан влиятельным татаро-башкирским крылом мусульманской фракции, будучи назначен ими секретарем фракции. По собственному признанию М.Шокая, в книге «Туркестан под властью Советов», на него была возложена почетная и ответственная миссия – готовить на основе поступающих с мест писем и прошений, информации для публичных выступлений (заметьте, не только от лица туркестанцев!) депутатов фракции. Прodelывая такую важную, да и привычную для него, аналитическую работу, Шокай владел свежайшей информацией с мест, находясь в сердце России – Петербурге, будучи юридически подкован и образован в лучших университетских традициях. Собственно, вот и ответ на вопрос, откуда происходят корни, истоки идеи автономии Туркестана, вполне достойные обсуждения на европейском уровне парламентаризма, моделью которого была, пусть и не завершившая триумфально свою деятельность, Государственная Дума!

С высоты современного видения всемирной истории, можно с уверенностью утверждать: именно Шокай содействовал своим интеллектом и чистотой философских взглядов на действительность, зная изнутри реалии жизни колонизованных народов империи, тому, что вопрос о Туркестанской автономии был введен в повестку дня Думы, широко обсуждался во фракции и на местах, наконец, он продолжал продвигать идею Туркестанской автономии практически в одиночку, в эмиграции. Практически же, понимая обреченность замысла, все же, рискуя жизнью, Шокай сделал шаги по осуществлению концепции, в 1917 году, вернувшись на родину в Ак-Мешит из столицы: его ощущения, впечатления от встреч с союзниками и противниками идеи Туркестанской автономии в Ташкенте, Коканде четко изложены в книге «Туркестан под властью Советов», изданной в Европе (!) к 20-летней годовщине событий, в многочисленных статьях Шокая на страницах редактируемым им самим журналов и периодической печати польской эмиграции, в туркоязычной прессе, в Великобритании и т.д.

Не случайно же его приговорили к расстрелу в самом Туркестане местные совдеповцы, как идеолога автономии, - эта деталь, мельком оговариваемая Шокаем в мемуарах, передает накал противостояния разных моделей будущего управления огромным краем, населенным различными этносами (татары, кыргызы, узбеки, евреи, туркмены и русские) помимо казахов, которые различались по вере и обычаям и в равной мере страдали от начавшегося кризиса «верхов». Это – сложный процесс, который невероятно сложно понять даже сегодня, и Шокай пытался делать анализ на месте и даже регулировать его, смело выходя на дискуссионные площадки, решая в уме задачу интеграции сторонников и умиротворения заблуждавшихся, по его мнению, противников, ослепленных ложными указаниями большевиков.

Шокай пишет: «Интернационал» гимнінде: «Алла да, патша да, немесе басқа да бір қаһарман да бізге азаттық әпере алмайды», - делінеді. Дұға мен сүренің орнына осы гимнді оқып, осы гимнді айтатын кеңестік Ресейде «халықтыр көсемінсіз» ештеңе болмайтыны, тіпті шошқалар торайламайтыны, сиырлар бұзауламайтыны, мақта да өніп-өсе алмайтыны шынында да таңқарарлық...» /1/ Так, хлестко, выстегал он стремление советской пропаганды увязать с именем Иосифа Сталина мнимые достижения «советизации» Туркестана.

Вплоть до своей безвременной кончины в декабре 1941 года Мустафа Шокай писал и говорил о Туркестанской автономии как неизбежности, и он оказался провидцем: современные

Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркмения и Кыргызстан, обретшие суверенитет, стали полноценными акторами мировой политической арены. Он с большим знанием этносоциальной палитры региона занимался аналитикой, на актуальнейшие темы, и его материалы пользовались огромным спросом в Европе и Америке при жизни и, безусловно, стали первоисточником для монографий зарубежных советологов. Переписка Шокая с известными зарубежными редакторами и учеными-социологами, этнологами, антропологами, искусствоведами подтверждает их живой интерес к нему как эксперту по Туркестану (Центральной Азии), практически в единственном лице предоставлявшему качественный материал, еще и свободно владевшему темой и умевшему излагать взгляды на английском, французском, не говоря о русском, языках.

Так, находясь в Европе, Шокай активно изучает историю Французской революции и прикладывает ее наследие к туркестанским реалиям. Он цитирует в своих трудах известных ораторов и революционеров французской нации: «Француздың ұлы төңкерісшілі Дантон «Атамекенді етіктің табанына жапсырып жүре алмайсың» дейді. Ұлы Отан орнында, тәңір жаратқан жерінде, халық бұқарасы өмір сүріп отырған аумақта жатыр. Біз, мұғажырлар, жүздеп, мындап саналғанымызбен, миллиондаған халқымыздың азғана бір бөлшегіміз. Біздер атамекенді өзімізбен бірге әкеткен жоқпыз. Біз оған деген өзіміздің сарқылмас сүйіспеншілігімізді, үзілмес бйланысымызды жүрегімізге түйіп алып шыққанбыз. Атамекенді сүю дегеніміз – өзінің жеке басынның талаптарын қанағаттандыру немесе белгілі бір топтың не бір жеке адамның мүдделерін қорғау дегендік емес. Атамекенді сүю – оның тұтас мүддесіне қызмет ету, осы жолда әрқашан қызмет етуге, керек болса жан пида қылуға дайын тұру болып табылады»./ 2/

Мустафа Шокай – многогранная харизматическая личность. Он рано обратил на себя внимание окружающих. Он учился у других народов, например, честно отмечая большой вклад татар в просвещение и издательское дело. До сих пор его умения и способности концентрироваться на предмете изучения и заинтересовать своей логикой и выводами высококлассных коллег, скажем положе руку на сердце, не превзошел никто из казахстанских соотечественников журналистов или политологов, специализирующихся на аналитике международных отношений и т.п. Надо отдать должное профессиональной юридической подготовке Мустафы Шокая, - опираясь на извечные постулаты и общечеловеческие ценности, он легко переходил на темы философии, истории и социологии, системно оценивал программные установки политических партий и риторику их лидеров, т.е., иными словами, он замечательно освоил многие искусства: искусство риторики, при этом ему не было чуждо искусство редактирования, он справлялся с обязанностями журналиста-международника, историографа трансформационных процессов в СССР с критических позиций, на равных встречался с мэтрами геополитических игр в Лондоне и Берлине, поддерживал ровные отношения с лидерами татаро-башкирской, украинской, грузинской, уйгурской эмиграции, турецкой и японской интеллектуальной и творческой элиты.

Шокаевские оценки современной ему политической ситуации в Туркестане (Центральной Азии) должны, на наш взгляд, войти в контекст вузовского предмета «Современная история Казахстана», во-первых, как первоисточник, во-вторых, как альтернатива прежних советских трактовок национального вопроса, и тогда любой студент самостоятельно сможет разобраться в прошлых ошибках и слабых сторонах центров национальной интеграции и практики идентификации, целях подготовки национальных кадров полит-менеджеров. Эти вопросы обозначил Мустафа Шокай в своей книге «Туркестан под властью Советов», и они актуальны до сих пор, настолько был точен в своих оценках лидер казахской политэмиграции.

Он мыслил широко, свободно ощущал себя в инородной среде /только он знал, чего это внешнее спокойствие ему стоило!/, и его суждения о настоящем патриоте звучат современно:

«Жалпы ұлттың мүддесін жеке қожалықтар мен жеке топтардың мүддесінен жоғары қоя білген, өзінің белгілі бір түзімге белгілі бір себептермен қалыптасқан қатынасын, оған тәуелділігін жалпы ұлт мүддесі тұрғысына сәйкес, ұлттың жалпы жағдайына үлесетін түзім жолында құрбан ете білген адамдар ғана **нағыз ұлттық патриот және ұлтқа пайдалы қызметші** бола алады». /3/

Он строго предупреждал об опасности сепаратизма, разъединения по мелким поводам: «...Біздің алдымызда екі мықты тосқауыл тұрды. Бұлардың бірі – ұлттық қозғалысымыздың басты дұшпандары болса, екіншісі – өзіміздің қоршауда қалғандығымыз және елді топтастыруға тәжірибесіздігіміз. Ең қауіптісі – тап осы екіншісі еді». /4/ Этот наказ и сегодня современен, особенно в условиях глобализации и геополитических игр и псевдо- и реальных террористических угроз.

В современных учебниках по истории Отечества имя и деятельность М.Шокая подаются все еще недостаточно полно, что выводит из программы обучения большой и значимый фрагмент усилий национальной интеллигенции по отстаиванию модели национальной автономии, опиравшейся на фундаментальные философские категории: религиозную идентичность (ислам) и этничность (турки, или тюркизм). Субъективной причиной слабой разработки темы в отечественной историографии, на наш взгляд, возможно, послужило административно-территориальное разграничение Средней Азии и Казахстана, согласно которой города Коканд и Ташкент не относились к казахстанской юрисдикции, а относительное охлаждение отношений Республики Казахстан с Узбекистаном, который при президенте РУ Исламе Каримове продвигал оригинальную концепцию национальной истории в русле наследия великого Тимура и ограничения по работе в Ташкентском архиве, вовсе ограничило возможности исследователей-шокаеведов расширить источниковую базу темы, которая представляет безусловный интерес, как пример интегративной идентификации (для сравнения, из состоявшихся региональных интеграций на основе территорий: пан-американская США и паневропейская – Евросоюз, хотя последний пример нуждается в некоторой коррекции, с учетом выхода Британии из ЕС).

Из современных зарубежных историков следует отметить Томохико Уяма (Япония), молодой исследователь работал в казахстанских архивах, ныне проводит системные сравнения модели национального государства «Алаш» с идеями турко-татарских просветителей и политических деятелей начала 20 века./5/ Уверены, что сопоставительный анализ – единственно правильный метод в случае с реконструкцией подлинной истории Туркестана, и надеемся также, что в перспективе будет воссоздана истинная история обретения автономии региона, за которую боролся всю сознательную жизнь М.Шокай. Насколько удастся понять из опубликованного наследия казахского политического деятеля, он с единомышленниками избрал верную стратегию – на создание прочного мегагосударства народов региона, и в качестве мотивационной основы единения граждан им были предложены после изучения истории европейских революций и ситуации на месте, два основных фактора: язык турки как индикатор принадлежности к большой семье тюркоязычных народов (соответственно, с традициями и обычаями, привычным хозяйственным типом и проч.), и второе – ислам, поскольку подавляющее большинство жителей региона исповедовали, с разной степенью упоения, его, и этот теологический момент был альтернативой православию, которое у жителей ассоциировалось с колонизирующей силой. Разумеется, эти критерии условны, ведь сам Шокай хорошо относился ко всем этносам и дружил с представителями разных конфессий и рас. Но, как водится в жизни, сталинские идеологи, желая принизить широту замысла автономии Туркестана, принялись атаковать конкретно каждый из них, в ход пошли ярлыки «национализм», «пантюркизм», «панисламизм» и т.д. На удочку таковых легко попадали все: малограмотные рабочие и крестьяне, комсомольцы и пионеры, этот материал заглотнули и мы, студенты «идеологических» факультетов вузов периода «застоя». Так и выросли затем

поколения – несколько поколений (!) во всем Туркестане, который был наименован Средней Азией и Казахстаном, - в твердой убежденности, что «басмачи» и «шокаевщина», «байтурсиновщина» - это оччень-оччень плохо.

Между тем, сам Мустафа Шокай в книге «Туркестан под властью Советов» пишет, что басмачество – явление неожиданное, его надо исследовать более детально, он написал большую статью о природе басмачества, которая стала бестселлером, ее перевели на английский язык. Мировое сообщество так узнало о народном сопротивлении большевизму в Средней Азии со стороны простых тружеников, защищавших свои земли и скот, - а Шокай к организации басмачества не имел никакого отношения, хотя в каждой статье в СССР на местном и союзном уровне винули его, арестовывали и казнили участников сопротивления почему-то как «сообщников Чокаева». На эту тему мы писали ранее, изучив документы донесения советских пограничников с советско-китайской, иранской и афганской застав. Так вот, отцы-командиры погранвойск как под копирку перечисляют количества бандформирований, убитых и раненых с обеих сторон, и непременно в конце докладной приписывали, что эти банды басмачей снабжаются и вдохновляются из-за кордона неким «Чокаевым». По-видимому, то было уже клише: назвать «врага народа» (так делали в Риме, когда Катилий заканчивая любую публичную речь, к месту и не к месту добавлял: «А Карфаген должен быть разрушен»!), мантры такого рода – психологический ход, чтобы показать несуществующие заслуги перед правительством и получить награды и поощрения. Сам же Мустафа Шокай повторюсь, не имел к басмачеству прямого отношения, разве что сообщил об этом факте мировой общественности, как о стихийном социальном явлении; в мировой истории известны сопротивления ирландцев, пассивные протесты индусов, стрелецкий бунт возьмите, - виды и формы народного сопротивления разнообразны, в любом случае это - бунт, это - вызов, это – недовольство.... На бунт надо реагировать, изучать причины и по возможности устранять их и направлять энергию бунта. В СССР с бунтом не считались, - его подавляли силой и оружием. Шокай приводит массу примеров, взятых из советских СМИ, унижения на почве веры (ставили на колени мусульман Ташкента при известии о кончине Ленина /б/, др.), ограничений по службе, когда в советских исполнительных и избирательных органах продолжали заседать не-местные представители, и т.п. Тем больнее было ему читать прессу, украдкой переправленную ему с Родины: провал модели автономии «Алаш»; борьба с верой и уничтожение улемов как социальной страты; массовый голод в Степи как следствие покушения на традиционное хозяйство; преследование джаидов и отказ от медресе; русификация и утеря национальных признаков; национально-территориальное размежевание Туркестана; отказ от суда биев и муфтиата; ломка старого и взамен – пустота и отчаяние, он чувствовал слабый учащенный пульс больного организма под названием «Советский Казахстан», «Советские республики Средней Азии», но он боролся – встречался с молодежью, прибывшей в Германию и Турцию в 1930-е годы на учебу: осваивать технологии и новые профессии (был такой факт), внушал им, что скоро наступит конец засилью коммунистов, и – видел в их глазах непонимание, то было поколение с иными идеалами, и Шокай честно признавал, что не знает уже, в каких ценностях вырастет новое поколение. Однако продолжал сражаться в одиночку, его мысли дошли до нас, в виде статей и книг, а Запад прочел их еще раньше нас.

Не каждому дано – поднять до мирового уровня свой народ, свою /тюркскую в нашем случае/ цивилизацию, свой язык и культуру. Ему удалось: имя Шокая в Европе было при жизни символом благородства и честного освещения событий в Туркестане. По сути, он был единственным зарубежным (в изгнании) историографом 1917 года на окраинах России. В воспоминаниях, изданных в Германии на узбекском языке, есть такие строки: «Жас Түркістанның» бұл саны (желтоқсандағы 85-ші саны) Түркістан автономиясының 19 жылдығына орайлас келіп отырғандықтан, естелігімінің осы бөлігін сол оқиғаға арнадым.

«Жас Түркістанда» жыл сайын дерлік «Қоқан автономиясы» мәселесіне қатысты арнаулы мақала жариялап келеміз. Ұлттық қозғалысымыздың жолында бүгін тарихқа айналған Түркістан автономиясы қазіргі Түркістан ұлт-азаттық қозғалысының бастау кезі. Соднықтан да ол ұлттық күресіміздің тарихында зор қоғамдық мәні бар оқиға. Кеңес баспасөзінің бұған бағытталған толассыз шабуылы осы пікіріміздің айқын айғағы. Еуропа мен Америкада Түркістан автономиясының зейін қоя зерттелуі де соның мәні зор екенін көрсетеді». /7/ Это издание накануне «перестройки» и развала СССР представляет собой свод статей Шокая на страницах журнала «Жас Туркестан»; по сути, узбекская эмиграция тогда сделала ценный вклад в шокаеведение, думается, издание книги продвигало не только историю кокандских событий, а в целом шаги туркестанцев к независимости, и этот желанный час пробил в 1991 году....

Обобщая изложенное и то, что не вошло в рамки данной статьи, заметим, что, увы, в историографии истории Казахстана чрезмерно сужены география и действительные роль и место Туркестанской автономии /модель Шокая была большевиками названа Кокандской, по месту проведения одного из многочисленных собраний, что несколько искажает действительные замыслы М.Шокая по созданию крупного государства-правопреемника общетюркских традиций/!, до конца не разъяснены причины обращения Шокая к исламу как интегрирующей мощной идеологии, к тюркскому происхождению этносов, как другому интеграционному мотиву, - все это было актуально на тот момент, в тех экономических условиях кризиса монархии как формы правления в Российской империи, в условиях межвоенных издержек и недовольства масс, в той разрухе и продовольственном кризисе. Как личность, знаниями своими Шокай притягивал к себе такие же выдающиеся личности из числа татар, башкир, кавказских народностей, особенно в период учебы и работы в Думе; ему предлагали стипендии и поместья, чтобы он имел возможность учиться и имущественный ценз, требовавшийся для депутатов Госдумы. Учитывая его знатное происхождение, светское образование, следует отдать должное уму Мустафы – предложить ислам в качестве признака будущей автономии означало вступить в полемику с потенциальными противниками... тем не менее, он это предложил. Он не был фанатиком от веры; скорее напротив, однако на тот исторический момент духовное единение могло сыграть большую интегрирующую роль для туркестанцев. Реалии 21 века, в которых существует Республика Казахстан, доказывает правоту парадигмы Туркестанской автономии: в нужде и в часы испытаний человек пойдет скорее в духовный храм, обратится к молитве, нежели станет обивать пороги инстанций, где с него потребуют справки и документы, кипу бумаг, за которой не разглядеть человека.

Пора шире смотреть на этап Туркестанской автономии, в мировом разрезе, сравнивая Кокандскую фронду с французскими баррикадами 18 века и другими яркими событиями европейской и американской истории социального массового протеста. Думается, до сих пор ярлыки типа «пантюркизм» и «панисламизм» остаются пугающими для наших историков, не позволяя преодолеть стереотипы советской пропаганды и дать достойную оценку событиям в Центральноазиатском регионе столетней давности. Мемуары участников тех событий – ценнейший источник, статьи и книга М.Шокая вышли на разных языках мира, английском, французском, турецком, немецком, узбекском, стали мировым достоянием; по ним изучается недавнее прошлое региона, так что опасаться быть непонятыми нам не грозит. Кажется порой, что, предполагая, как его имя и деятельность будут перекраиваться наизнанку, Шокай тогда еще публично отмел всяческие обвинения в сепаратизме, принимая удар на себя и оставляя противников в очевидном нокауте. Характер такой, не любил компромиссов. Робеспьер. Марат. Дантон - титаны Французской (читай – мировой) революции. Его идеалы? Его кумиры? Кто теперь ответит на эти вопросы? Политика «двойных стандартов» применялась к таким, как он, инакомыслящим: к примеру, в предвоенный период сталинский нарком иностранных дел Молотов обнимался с Риббентропом в Берлине, там же советские военачальники чуть не

маршировали под «хайль, Гитлер!», и все это с упоением описывала советская пресса, как победу дипломатии коммунистов, а тот факт, что Мустафу Шокая осенью 1941 года чуть не под конвоем доставили в концентрационные лагеря для советских военнопленных, был в СССР объявлен клятвопреступлением и т.п. Между тем, Шокай не был вовсе советским подданным и не нарушал законы Союза, к тому же по возрасту он не был призывником или военнообязанным, как генерал Власов, к примеру, то есть присяги тоже не нарушал. Да и категорический его отказ сотрудничать с вермахтом общеизвестен.

Не бьется давно сердце Мустафы Шокая, любившего свой край и уважавшего мечту народа его, человека, честно жившего и требовавшего того же от окружающих. Он остается в памяти народной, наравне с Миржакыпом Дулатовым, с которым вместе издавал ряд газет, в том числе «Бірлік туы», Алиханом Букейхановым, который приметил способного студента и пригласил его работать секретарем мусульманской фракции Госдумы, наряду с Ахметом Байтурсыновым и Мухамеджаном Тынышпаевым, которых знал по общей деятельности рекрутирования в ряды «Алаш» новых членов и созданию автономии Туркестана.

Мустафа Шокай справедливо говорил о необходимости подготовки национальных кадров, которые бы продумывали последующие шаги и решились по возможности непростые вопросы будущей автономии: «Жалпы адамгершілік және философиялық тұрғыдан алғанда жақсы халық, жаман халық деген ұғым жоқ. Халықтың бәрі бірдей. Бірақ саяси тұрғыдан алғанда – мәселе басқашалау. Бұл салада халықтар өзінің саяси дайындығына, жалпы дайындық деңгейіне қарай бірнеше топқа бөлінеді. Әсіресе бұрынғы патшалық және қазіргі кеңес Ресейі сияқты көп қлтан құралған «құрама мемлекет» ішінде теңдік пен өзін-өзі билеу жолындағы күрес дәуірінде бұл айырмашылықтардың маңызы орасан зор. Осы күресте саяси дайындық пен бейқамдық арасындағы айырма қандай екенін біз, түркістандықтар, өз тәжірибемізден көрдік». /8/ В этом отрывке воспоминаний Шокай выступает как ученый, отмечающий специфику российской империи, являвшейся полиэтничным государством, и в ходе обретения автономии надо учитывать, подчеркивает Шокай, эти нюансы, конфликт интересов разных народов. В этом его позиция гуманна, в отличие от того же гитлеризма-фашизма, выпячивавшего одну расу и один народ, как богоизбранный.

Сам же он готов был служить идее рядовым исполнителем: «Мықты ұлттық орталықтың жетекшісі болу мерейлі көрінгенімен, орталық кеңес мүшелері ішіндегі жас жағынан ең кішісі бола тұрып, төрағалыққа сайланғаныма едәуір ыңғайсыздандым. Өйткені бұл жағдай менің жеке басымның беделін емес, зиялы азаматтарымыздың аздығын, соларға зәрулігімізді көрсететін... Өз басым Түркістан ұлттық қозғалысының құрылысына ең соңғы қарапайым қара жұмысшы-мердігер болып қатыссам да, өзімді асқан бақыттымын деп есептер едім! Бірақ тағдыр мені ұлттық қозғалысымыздың, ұлттық құрылысымыздың аса күрделі де жауапты кезеңінде өлкелік ұлттық ұйымның басына әкеліп қойды». /9/ Судьбой было решено быть ему на передовой, в борьбе неясной, грозной, решать задачи с многочисленными «неизвестными». Пожалуй, впервые в истории казахов состоялась эмиграция осознанная, политическая, и впервые так организованно работал, в лице одного, но какого! – сына казаха, то был буквально штаб, который представлял всю великую нацию, всю Великую степь, Ұлы Дала, столь интеллигентно, не боясь выходя на контакты с Лигой Наций /тогда эта международная организация выполняла функции современной ООН/, собирая единомышленников по всей планете – от Японии до Америки, вылетая в Лондон с докладами перед высшим светом Британского союза и повергая в шок вермахт! Мустафа Шокай – короткая яркая вспышка – метеор – на фоне сталинского безумия, в которое как в омут попал Туркестан, надежда Алаша, прокладывавший самостоятельный путь в Тәуелсіздік, пусть он называл его иначе: автономия Туркестана, заботясь об единстве тюрков, заведомо оберегая язык, культуру, религию, как компоненты самосознания. Предтеча национального Возрождения. Апологет аль-Фараби, смело вставший в защиту гуманистического ядра учения

средневекового мусульманского мыслителя-тюрка от профашистских интерпретаций! Это сколько же надо было познать, прочесть, осмыслить всемирного знания, чтобы ТАК противостоять невежеству и глумлению над «Добродетельным городом» Фараби?! Да, фрондист, скажет кто-либо, быть может, время потребовало такой бравады /в публицистике, заметим, не в жизни/ - он вправе был выражать возмущение от того, как растаптывается культура его народа под сапогами сталинских слуг.

Достаточно прочесть шокаевские обзоры международных событий в Европе и Азии в канун начала войны между Германией и СССР, чтобы признать его талант; он предчувствовал военный конфликт, не прятал голову в песок. Для будущих политологов, историков, журналистов-международников, социологов труды Мустафы Шокая есть бесценная кладовая сокровищ мысли, предвидения, блестящего анализа и синтеза. Недаром установлены ему памятники в Санкт-Петербурге и на месте упокоения в Берлине, дань памяти выдающемуся юристу и человеку. Парламентарий. Политик. Историограф Туркестана. Интернационалист. Несломленный духом, даже после известий о гибели его соратников по «Алаш» Алихана, Ахмета, Миржакыпа, Мухамеджана, Султанбека, он пугал своей работоспособностью и ясностью суждений, своих противников.

Его имя не сотрется со скрижалей Истории, вот что важно. Его завет: воспитать на гуманистических идеалах образованную молодежь, национальные кадры, беречь как зеницу ока единство народов, хранить свою идентичность, опираясь на достижения предыдущих этапов, нам в помощь. Шокай в своих трудах часто использовал пословицы, слова назидания /Ғақлия/, чтобы правильно донести мысль: «Көтеріліс туын көтеріп, Тәуелсіздікке бет түзеген халықтар ақырында өз еріктерін жүзеге асырмай қоймайды. Осы өлкелерде Тәуелсіз мемлекеттер құрылғанда ғана Ресеймен тату-тәтті, қалыпты қарым-қатынас орнатуға болады. Бәлкім, сонда болашақ Ресей көне Рим данышпандарының: «Өткенге ләғнат қана қоймай, одан сабақ та алу керек», - деген Ғақлия сөзіне құлақ асып, соған жүгінетін болар». /10/ И в этой ремарке – столько смысла и политической воли.... Историография темы пополняется локальными исследованиями коллег из ближнего зарубежья; вопросы идентификации и сохранения этноспецифики тюрков остаются открытыми.

Источники и литература:

1. Мұстафа Шоқай. Табыс мерекелері. // «Жас Түркістан», 1936 ж., № 74. - Оpubл: Мұстафа Шоқай. Таңдамалы. Том 2. – Алматы: «Қайнар», 1999, 9 бет.
2. Мұстафа Шоқай. «1936 жыл» // Соңда. 6 бет.
3. Соңда. 7 бет.
4. Мұстафа Шоқай. 1917 жыл естеліктерінен үзінділер. На узбекском языке. Издано в Берлине в 1989 году, издательство ТМИП. // - Оpubл: Мұстафа Шоқай. Таңдамалы. Том 2. – Алматы: «Қайнар», 1999. Бет 272.
5. Tomohiko Uyama, «Политическая стратегия Алаш-Орды во время гражданской войны: сравнение с национально-культурной автономией тюрко-татар». Academia.edu, San-Franisco, 2018.
6. Мұстафа Шоқай. Түркістан лениншілдеріне жауап // Мұстафа Шоқай. Таңдамалы. Бірінші том. Алматы: «Қайнар», 1998. 80 бет.
7. Мұстафа Шоқай. 1917 жыл естеліктерінен үзінділер. На узбекском языке. Издано в Берлине в 1989 году, издательство ТМИП. // - Оpubл: Мұстафа Шоқай. Таңдамалы. Том 2. – Алматы: «Қайнар», 1999. 287 бет.

8. Соңда, 271 бет.
9. Соңда, 270 бет.
10. Мұстафа Шоқай. Екі лекция хақында // Мұстафа Шоқай. Таңдамалы. Бірінші том. Алматы: «Қайнар», 1998. 148 бет.
11. Хакимов Р.С. (Казань). Татарская идентичность: состояние и перспективы // Историческая этнология. 2016. № 2.
12. Умеров Д.И. (Казань) формирование фольклорных традиций этнотерриториальной группы астраханских татар // Вестник КазГУКИ. 2017. № 3.